

Избранные произведения // Ленинградское газетно-журнальное и книжное
издательство, Ленинград, 1954
FB2: Вадим Могильчак, 11.03.2011, version 1.4
UUID: OoFBTools-2011-3-11-23-2-15-1228
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Станюкович

Очерки общественной жизни

Очерки общественной жизни

Каких только проклятий не выслушал в последние дни «гнилой», «развращенный» и «промозглый» Петер-бург от своей старинной недоброжелательницы — «порфи-роносной вдовы», белокаменной старушки, в лице ее вдох-новенных пророков! Они теперь единственные люди, которые пророчествуют тем свободнее, чем свободнее другие молчат. Они одни знают пути... Они одни знают, в чем счастье России! Тряхнув стариной, когда, по их словам, так привольно жилось в нравственном единении бояр и дьяков с «людишками» и «холопями», и не испугавшись даже того, что скажет «княгиня Марья Алексеевна», они договорились до... до совета защитникам под-судимых на-рушить основы правосудия... «Ка-кое правосудие! Упразднить правосудие!» — кричат они в каком-то умоиссту-плении.

И всё это говорится, конечно, от имени России, и так как Россия возражать наверное не станет, то никто и не мешает этим апосто-

лам на страницах своих органов яв-ляться в качестве специальных уполномоченных всего русского народа...

Но послания, в которых наши апостолы призывали на Петербург громы земные и небесные, как видно, оказа-лись недостаточны, чтобы образумить неверных... Надо было Москве приехать в Петербург и пламенным словом тронуть каменные души... И Москва приехала в лице пророка «Руси», И. С. Аксакова, и тронула каменные души. Несмотря на отвращение его к «зараженной атмо-сфере», он самолично явился в гнилой город и стал проповедывать крестовый поход против света и истины.

Надо думать, на этот раз пророк остался доволен Петербургом, который он видел на экстренном заседании славянского общества. Он тут встретил свою «Москву», и проповедь его произвела впечатление. Увлечшийся мраколюбец говорил на ту же туманную тему о единении, о лжеучениях Запада, которую он эксплуатирует в своей «Руси». Он предавал анафеме либералов и радикалов, он бросал в глаза собравшейся публике свою собствен-

ную историю, по которой Рюрик был призван единодушно всем русским народом. Он грозил кровавым хаосом, упреками, что интеллигенция забыла бога и Христа. Он убеждал скорее, чем доказывал, что у русского народа никогда не было антагонизма с властью, что отношения эти всегда зиждились на добровольном признании, сознательном, произвольном, а не вынужденном. Опираясь на такое положение, он разгромил тех, кто увлекается западными формами и, в конце концов, горячо заключил, что «этому не бывать»...

И оглушительные рукоплескания были ответом на эту полумистическую проповедь о боге и Христе, о тлетворной интеллигенции, о единении и любви...

— Этому не бывать! — повторяли слушатели.

Но да не радуется вдохновенный пророк тому, что слово его произвело впечатление... Радоваться рано, и вот почему: стóбит припомнить только, чему и кому не аплодировала публика, чему и кому она только не сочувствовала, и затем так же скоро забывала,

как скоро увлекалась. «Сербское» возбуждение еще у всех в памяти. Она очень шатка в своих мнениях, известная часть публики, и поймать ее на фразу легко, особенно во времена чуть ли не повального недоразумения, когда только одна сторона может высказываться, а другая должна ожидать конца ее речей...

— Отличная речь... ах, что за речь! — говорила мне на другой день одна знакомая барыня.

— Что же именно вам в ней понравилось?..

— Всё... всё... И голос, и призыв к богу... Мы ведь, в самом деле, бога забыли...

— Ну, а еще что?..

— Вообще... И главное — так это хорошо... Кровавый хаос и стена, на которую надо опереться... Обноски цивилизации, одним словом... «этому не бывать»... И как он это сказал!

Много ли, мало ли в числе слушателей г. Аксакова было таких, как дама, о которой я вспомнил, судить не берусь; но если их было довольно, то поставь г. Аксаков в образец мирного и благоденственного жития хоть

Ки-тай, и тогда гром рукоплесканий был бы наградой оратору. Искренность подкупает, вера невольно трогает людей, имеющих такие же смутные понятия о предмете, как и сам проповедник... Расплывчатость, неопределенность, какая-то туманная даль, разукрашенная подложной историей, может действовать на нервы и заставить на время забыть слушателя даже краткий учебник истории г. Иловайского.

Нынче чуть ли не ежедневно читаешь эти два слова: «интеллигенция» и «народ». Кто такое «интеллигенция» и кто такой «народ», едва ли вам объяснят публицисты, противопоставляющие одно другому. По их словам, как будто выходит, что и Разуваев народ, а Грацианов — интеллигенция. Выходит, какое-то вавилонское столпотворение.

И что замечательно: больше всего кричат во имя блага народа те самые люди, которые не мало потрудились во вред ему и едва ли не более всех старались разъединению между ним и той частью интеллигенции, которая искренно хотела служить народу. Теперь «Московские ведомости» распинаятся, конеч-

но, за народ; а давно ли они, по поводу известного процесса, обвиняли защитника за то, что он на суде развернул правдивую картину положения мужиков?.. Те же нынешние народо-любцы, после процесса генерала Гартунга, между прочим, написали следующие строки по адресу московской прокуратуры:

«Обвинение должно поступать несравненно осторожнее и осмотрительнее, когда речь идет о привлечении к суду человека, пользующегося известностью и занимающего видное положение в обществе, чем при возбуждении уголовного преследования против лиц *темных*, которым терять нечего»...

Такие различия — старая, знакомая всем песня. В одном случае — хвалится за добродетель и терпение русский народ, является образцом всех добродетелей, а в другом — это, мол, пушечное мясо или платежная сила, самим богом назначенная для уплаты податей и недоимок... Много разговаривать тут нечего!

И теперь, когда слова об «единении» повторяются с какою-то наглой назойливостью и как бы в упрек либералам, все эти апосто-

лы словно забыли, что именно в России стремление к этому единению (и притом бес-корыстнейшее) является заметным веянием, характерным для последнего времени. Оно сказывается не только в частных фактах, но даже и в различных общественных собраниях.

Но эти-то самые стремления и подвергались жесточайшим гонениям со стороны тех самых пророков, которые теперь находят нужным вспомнить о народе и осмеливаются говорить от его имени. Надо обладать слишком слабой памятью, чтобы забыть об этом, и разве расчет на то, что бесцеремонности (эти пути не заказаны) позволяют им с таким апломбом громить интеллигенцию, очутившуюся между двух стульев, в положении поистине трагическом — вынужденного молчания. Кто жывал в провинции, тот знает, во что обходится желание быть полезным... Летопись представила нам немало фактов того, что даже самая скромная деятельность на поприще «единения» мирового судьи, врача, учителя и т. п., деятельность, не имеющая ничего общего с чем-нибудь пре-

ступным, подвергалась преследованиям, так что, в конце концов, такого рода представитель интел-лигенции в самом деле находился в невозможном положении... Скромно работать в намеченной им сфере он не может, не рискуя навлечь на себя подозрений; присоединиться к победоносному стану или воинствующему — мешает чувство брезгливости и отвращения... И вот, остается этот воистину несчастный пасынок без всякого дела, ждет не дождется, когда же наконец и он может служить своему скромному делу, не видя за собой про-ницательного взгляда иногда дьячка, имеющего возможность мимоходом разбить человеческое существование...

Это ли еще не трагизм положения той части интелли-генции, которая с презрительной улыбкой слушает, как клеветают на нее теперь разные самозванные пророки, спасители отечества и журнальные «переметные сумы», и в то же время получающая ядовитый вопрос, предлагаемый не без сознательного коварства: «Чего ж вы хотите, господа? Выскажитесь! Молчальники! Кто же вам мешает высказаться с тою же откровенностью, с

какою высказываемся мы. Слава богу, нынче печать может от-крыто выражать свои мнения и, следовательно, вы можете изложить свою программу. Мы вот изложили свою... Мы не молчим, мы выдумали свою, чисто русскую теорию единения на почве бесправия; мы сочинили свой народ, презиравший ваши лжеучения; мы, наконец, предлагаем практические меры, начиная с обязательного взаимошпионства и кончая застенком... Худо ли, хорошо ли, но мы говорим потому, что скорбим за отечество. Что ж вы молчите?.. Предложите, в свою очередь, свои меры, но только не в общих местах, а категорически...»

И ведь они, эти «бонапартисты» печати, знающие очень хорошо, в чем дело, отчасти правы, задавая эти вопросы, правы относительно... Они знают, что ответа не будет, по крайней мере, настоящего ответа, и тем с большей силой спасают отечество, бия себя в грудь, как те лгуны, которые заранее призывают бога в свидетели, уверенные, что иначе им не поверят.

Да, прав, пожалуй, г. Аксаков, когда говорил, что все виноваты «в положении дел». Но

говоря обо всех, он выделяет правоверных и ищет более виноватых среди неверных. Виновных гораздо легче найти, чем исследовать корень вины. При других условиях, печать, быть может, согласилась бы с основным положением, но только выводы получились бы не те, к которым пришел редактор «Руси». Допустим, что мы стоим на «краю бездны», но рыл-то эту бездну кто... кто рыл ее?

Положим, что рознь интеллигенции с народом велика, но в том, что народ нуждается и лишен света просвещения, виноваты именно те, которые, сколько могли, обращали внимание и на его нужды, и на его невежество??. В те смутные дни, которые переживаем мы, понятия как будто перемешались и ниоткуда нет ответа на жгучие вопросы. Невозможно же считать за ответы вопли и проклятия, напоминающие бред поврежденных, как невозможно считать целесообразными устрашения, рекомендуемые с отвагою и апломбом современных держиморд печати и жизни.

В наши дни (я не предвижу даже, как назовет их будущий историк), когда, повидимому, всякие деликатные вопросы сданы в архив, и неизвестно, скоро ли снова появятся на свет божий, когда даже такое слово, как «совесть», считается известной частью печати и общества, по меньшей мере, предосудительным, — появление брошюры под названием: «Совесть. Страница из жизни помещика», — невольно возбуждает любопытство уже по самому своему необыкновенному для нашего времени заглавию.

За последнее время мы прочли бесчисленное количество посланий и пророчеств (пророки объявлялись ежедневно) и выслушали массу предложений из уст тех публицистов, которые сумели высказаться в одно и то же время «решительно и задушевно». Но напрасно стали бы вы искать во всех произведениях этого сорта хотя бы отдаленный намек на вопросы совести. Энергии довольно, откровенности много, решительности еще больше, ругательств — целое море, но о совести ни одного слова. Она, эта самая совесть, заставляю-

щая иногда краснеть и мед-ные лбы, словно виноватая, спряталась куда-то, и оты-скать ее теперь на печатных страницах воинствующе-го слова так же трудно, как трудно, взяв в ру-ки «Москов-ские ведомости», не встретить ка-кого-нибудь нового про-екта правосудия или новой задушевной инсинуации пуб-лициста, князя В. Мещерского; эта газета не брезгает даже пером такого «литерата», когда ей нуж-но удовле-творить чувство личной ненави-сти.

И вот нашелся, однако, автор, который ре-шил под-нять вопрос о совести. Нечего и го-ворить, что я с жад-ностью принялся за бро-шюру; правда, я дочитал ее несколько разоча-рованный, но, несмотря на это, брошюра, по моему мнению, заслуживает внимания, так как наво-дит на некоторые поучительные размышления.

Автор брошюры, трактующей о совести, выступает на публицистическое поприще не в первый раз; несколько времени тому назад он написал брошюру «Историческое призва-ние русского помещика», в которой делает воззва-ние к помещикам (и особенно, к круп-

ным землевладелец-цам), предлагая им презреть жизнью безделья, вернуться к опустевшим усадьбам и, по мере сил, помочь народу в его экономическом и нравственном убожестве, которое автор рисует всем хорошо известными мрачными красками. Не менее мрачными красками рисует автор и тех самых людей, к которым он обращается с теплым словом и, несомненно, с добрыми намерениями, рассчитывая, несколько наивно, что слово может убедить и переродить внезапно целый класс людей. Я не стану касаться практических мер, предложенных автором в первой брошюре, которые, по его словам, составляют историческое призвание русского помещика и дают радикальное лекарство для поднятия благосостояния народа; замечу только, что меры эти очень скромны, хотя сам автор и убежден, будто крупные землевладельцы, «устроившись в деревне со всевозможным комфортом, принесут делу большую пользу, тратя на него даже не более десятой части тех сумм, которые они тратили на безделье бесцельной, quasi[1] веселой жизни в столице». Не в сущности предложений

здесь дело, а в наивной вере, что благородный призыв будет услышан. В подобных надеждах кроется одно из тех недоразумений, которыми так богата наша жизнь и которыми всегда пользуются реакционеры, доказывая, что не учреждения создают известную нравственность и изменяют социальные отношения, а наоборот. С постоянным единодушием они проповедуют эту доктрину, и у них вопрос о реформах является сказкой о белом бычке; недаром во всех реакционных органах печати слышатся отголоски речей покойного Достоевского, проповедывавшего о «боге в самом себе», о «самоусовершенствовании», о «нравственной красоте», и т. п. Благодаря такой удобной «почве», ничего нет легче, как отвечать на запросы о реформах со стороны прогрессивной части общества: «Имей бога», «сперва усовершенствуйся», «заслужи», — и т. п. Кто будет оценивать степень усовершенствования и заслуги — это вопрос, упускаемый обыкновенно из вида, но несомненно только одно, что каждый раз, когда я, например, заявлю какое-нибудь желание, ничего нет легче ответить мне, как отве-

чают иногда родители детям: «Сперва заслужи», «усовершенствуй себя» и «тогда посмотрим». И вслед за тем, ничто, разумеется, не помешает продолжать эту сказку о белом бычке до бесконечности, трогательно призывать людей к самоусовершенствованию и надеяться, что слово, хотя бы слово Иоанна Златоуста, в самом деле может переродить человека и сделать его совесть более или менее чувствительной, несмотря на то, что те или другие учреждения регулируют общественную совесть в ту или другую сторону.

Автор брошюры, которая у меня под руками, при несомненно честных намерениях, очевидно, стоит на точке зрения сказки о белом бычке, рассчитывая на действие своей проповеди и воззвания к совести. В новой своей брошюре он повторяет прежние свои положения об историческом призвании русского помещика и снова взывает к ним, рекомендуя возвратиться в осиротелые усадьбы, не увлекаться суетой света и честолюбия... Как бы в доказательство, что вся эта «мишура» ничего не стоит, автор обязательно знакомит нас со своей биографией. «Родился я, —

пишет автор несколько странным языком, — в семье честной, дворянской, предки при свя-том Невском из варяг пришли, испоместило их вече Нов-городское, в бояре ставили цари московские, пожар их вотчины царь Грозный, Великий Петр в Венецию учить послал; мудрецов в роду не запомнили, а служили верой и правдою в знатных чинах царю православному.

По примеру дедов и прадедов, вероятно, и я бы служить пошел. Добрым молодцем сиял бы, доспехами рат-ными, и закончил бы жизнь безмятежную сановником знатным, звездами украшенным, некрологом чувствитель-ным увенчанным. Да на роду так видно не было напи-сано. Порешили родимый мой батюшка с родимой моей матушкой, прогресса ради, в университет отдать».

Затем автор продолжает — уже обыкновенным лите-ратурным языком, — каким благотворным образом по-влиял на него университет. Сперва он попробовал жить, как живут другие, но не долго для почтенного автора продолжалось безмятежное порхание по театрам, при-дворным балам и дипломатиче-

ским раутам. «Эта жизнь была слишком несогласна с моим идеалом, и вот, совесть заговорила настойчиво, повелительно, при таких обстоятельствах, при которых людям с другими идеалами, она расточала бы, вероятно, свои сладчайшие улыбки». Почтенный автор оглянулся вокруг себя и увидел ужасную картину. Вот как описывает он:

«Помещики наши кутили, кутили, кутили и прожи-вались, проживались, проживались; полиция предупреждала, предупреждала, предупреждала; интеллигенция писала, писала, писала и говорила, говорила, говорила, а бедная молодежь в погоне за жар-птицею всё гибла, гибла и гибла».

И автор уехал в деревню, рассчитывая, что крестьянин нуждается в друге, что ему нужен друг осмотрительный: «нужно, чтобы этот друг имел достаточно материальных средств, чтобы помочь школе, завести библиотеку, основать для крестьян воспитательное заведение, учебную ферму или ремесленную школу; нужен друг, достаточно влиятельный в данной местности для того, чтобы защитить крестьянина от эксплуатации кулака,

ка-батчика или сельского писаря, защитить его интересы в земском собрании, снабдить данную местность, сообразно с условиями, новыми кустарными промыслами или промышленными ассоциациями. Кто же соединяет в себе эти свойства? Мне кажется, что тут не может быть и минутного колебания, — конечно, помещик. Дело только за *доброю волею*».

И почтенный автор, принявший такое решение, как видно, надеется, что призыв его заставит и других крупных землевладельцев последовать его примеру и делать крохотное дело, которое, в мечтах автора, является чуть ли не альфой и омегой для поднятия благосостояния крестьян.

Нечего и говорить, что почтенные намерения автора останутся теми намерениями, которыми вымощен ад. Филантропическая его деятельность, заслуживающая, в частности, известного уважения к личным качествам автора, само собой, будет ничтожна, если принимать ее как серьезное средство к поднятию благосостояния, а горячее слово, обращенное к его собратам, останется, конечно, гласом

вопиющего в пустыне.

И винить ли за это тех людей, условия жизни кото-рых роковым образом ставят в невозможность последо-вать совету их собра-та? Конечно, всякие «ламентации» по этому поводу бесполезны, а самые советы, подобные советам нашего автора, при всем их доброже-лательстве, являются — комичными...

«Parole, parole, parole![2] — скажет в ответ брат, презрительно перелистывая его бро-шюрку. — Зачем я по-ступлюсь своими пре-имуществами и вместо того, чтоб окончить «жизнь» безмятежную сановником знатным, «звездами украшенным», поеду в глушь, в Са-ратов, и стану возиться с ремесленными шко-лами, о которых, кстати сказать, имею смут-ное понятие».

И он, конечно, будет тысячу раз прав, этот брат, не отвечающий на честный, хотя и на-ивный призыв, — прав потому, что перерож-дения не совершаются по воле судеб и «в одну телегу не можно впречь коня и трепет-ную лань». Не такие златоусты, как почтенный наш ав-тор, призывали, а жизнь показывает, что проповедь часто остается мертва, когда

не подкрепляется соответствующими переменами отношений, обуславливаемыми, в свою очередь, известными порядками...

Я потому так распространился на эту тему, что в последнее время ужасно много расплодилось проповедников, искренних, но еще более лицемерных, которые, повторяя обычные фразы о недостатке людей, об испорченности общества и народа, видят спасение в сантиментальной проповеди, вместо того чтобы видеть спасение в условиях жизни, регулирующих то или другое ее направление.

Все, начиная с «искренних» публицистов и кончая любым исправником, предписывающим, под страхом строжайшего взыскания, чувства любви и самоусовершенствования, словно не хотят видеть, что предписания бессильны там, где мерилом может быть не своя совесть, а совесть, приноровленная к требованиям известного строения единичных лиц. А так как видов строжайшего взыскания столько, сколько людей, предписывающих его, то не трудно угадать, какое разнообразие проявлений совести возможно у нас, на Руси, и в каком неловком положении может ока-

заться даже самый благонамеренный административный Гарун аль Рашид, рассчитывающий на плодотворность своего слова и власти, хотя бы ею он был наделен с избытком. От этого мы видим нередко, что самые благие, повидимому, намерения общественных деятелей направить власть на общественную пользу, по большей части, становятся бессильными в том случае, когда они являются не результатом общественных усилий, не служат выражением известных желаний,— а представляют собою плод личного воззрения. Пере-ходя в жизнь через ряд исполнителей, интересы которых иногда прямо противоположны доброжелательным целям, эти намерения, в конце концов, доходят до места назначения в таком виде, что если бы возможны были теперь добродетельные Гарун аль Рашиды, которые могли бы путешествовать инкогнито, — они сами бы ужаснулись от происшедшей метаморфозы. Но Гарун аль Рашиды остались только в опере-буфф, и там даже в видоизмененной обстановке. Сохранить инкогнито даже ревизиующему сенатору невозможно: ревностные полицейские будут

как тень следить за начальством и всюду докладывать о благополучии.

Есть в самом деле что-то трагическое в этом бессилии разных советов и предписаний со стороны лиц, иногда и одушевленных добрыми намерениями, но не понимающих запросов жизни... Вообразите себе... ну хоть губернатора, того идеального губернатора, которого пытался изобразить Гоголь... Предположите, что он наделен всеми добродетелями, возможными на земле, и затем представьте себе его положение. Он пишет циркуляры, он усовещевает, просит, негодует и грозит. И, несмотря на мольбы, на угрозы, на атрибуты власти, он бессилен, трагически бессилен на добро, так как трудно «совместить несовместимое», невозможно одному быть всевидящим оком, как невозможно положиться на совесть других, если она, в силу вещей, находится в полном распоряжении вашей совести. Тот, кто дорожит свободой совести, ведь не продаст ее, а если и продаст, в силу компромисса, будет не живой силой, а изломанным существом, лениво творящим волю пославшего.

Это всё, конечно, азбука, но эта азбука нарочно игно-рируется, как только дело коснется вопроса о людях и об условиях и как только начинается сказка о белом бычке...

В моей памяти восстает образ одного доброжелательного губернатора. Он приехал в губернию после того, как предместник его слишком подтянул ее, так что высшее начальство нашло необходимым дать губернии ва-кацию и потому назначило на губернаторский пост чело-века мягкосердного и не обладавшего способностью одним видом своим наводить страх. И вот он приехал, доброжелательный администратор, и на первых же по-рах объявил всем, что он желает, чтобы всё в губернии шло «честно и благородно», чтобы подати взыскивались «добровольно», чтобы блюстители порядка вели себя «потихонечку» и т. п., одним словом, губернатор был полон самых добрых намерений, и полагал, что, с божьей по-мощью, ему удастся обратить губернию если не в рай-ский сад, то, во всяком случае, в такую область, куда можно въезжать без трепета.

Когда он объявил непосредственным сво-

им подчиненным, чтобы всё шло «честно и благородно», то подчиненные, хотя и безмолвно поклонились, но на лицах у многих появилась загадочная усмешка... Однако они с благоговейным вниманием выслушали следующее воззвание к чувствам:

— Закон, милостивые государи, прежде всего. Я прошу, я желаю, я требую, чтобы вы, господа, действовали в пределах закона и принимали меры только допущенные законом. Закон, разумеется, не может предвидеть всех случаев, да и я не в силах войти во все мелочи, и потому предоставляю благоразумию и добросовестности каждого точное исполнение закона... Нам, представителям порядка, не приходится дискредитировать его... Поняли, господа?

«Господа», разумеется, все поняли, но между ними, к общему изумлению, нашелся и такой, который не совсем понял и робко заметил:

— Очень трудно, ваше превосходительство!

Администратор нахмурился.

— То есть, что вы хотите этим сказать? —

прогово-рил он.

Старый исправник (это был он, как говорят в рома-нах), переменявший на своем веку много губернаторов и глядевший на жизнь с философией заматерелого слу-жаки, спокойно взирающего на правых и виноватых, если только есть предписание, — в ответ на вопрос губернатора снова повторил:

— Очень затруднительно, ваше превосходительство!.. Если точно исполнить закон, могут быть упущения по службе.

— Каким образом? — спросил его превосходитель-ство, усмехнувшись.

— Во многих отношениях... Например, взыскание недоимок или, например...

— В таком случае докладывайте мне, но сами за-кона не нарушайте! — перебил губерна-тор и, несколько смущенный, остался наеди-не со своей совестью.

Совесть говорила ему, что без податей го-сударство существовать не может, та же со-весть подсказывала ему, что как будто бы по-дати чрезмерны, и та же совесть подсказала ему, что, во всяком случае, они должны быть взысканы, иначе совесть начальства будет

возму-щена.

А заматерелый исправник в то же время, возвратив-шись домой, весело передразнивал своим домочадцам нового губернатора:

— Закон... закон! — твердил он. — Ужо погоди, как из министерства нагоняй будет!

Однако, новые веяния не замедлили обнаружиться. Заметив, случайно, как полицей-мейстер решал какое-то недоразумение с обывателем, так называемым «русским» упрощенным способом, его превосходительство на пер-вый раз сделал внушение, но предупредил, что если еще раз заметит нарушение закона, то, как ни жаль, а придется «по всей строгости законов»...

— Я, ваше превосходительство, ей-богу, только слегка. Если бы вы изволили знать, как с ними трудно!

— Знаю, но наше дело — преодолевать трудности!

— Но отныне, помня приказание вашего превосходи-тельства, я даже мысленно не позволю себе кого-нибудь ударить. Избави бог!

— Уж я прошу вас.

Полицеймейстер ушел не вполне просветленный, но всё-таки значительно успокоенный. И вот чувствует он, проезжая по глухой улице, где красовался беспорядок в виде кучи мусора, как чешется его рука и сколь необходимо дать ей волю. Но в ушах его еще звучат недавние слова — и бедный исполнитель чувствует тоску сомнения в сердце. Как тут быть?.. С одной стороны — «закон», с другой — «беспорядок»...

— Эй вы, любезнейший! — обращается он к мещанину, давно нарушавшему правила чистоты по своей крайней бедности. — Что же это вы с мусором?

— С каким мусором, ваше высокоблагородие?

— Да с этой горочкой... Ведь я вас просил давно...

Соседи стоят, разинув рты. Такой дипломатический язык был для них неожиданной новостью — и, нату-рально, «улица» пришла тотчас же в изумление.

— Ужо очищу!

— Пожалуйста, любезнейший, не заставляйте вас просить.

С этими ласковыми словами добрый начальник, к вящему изумлению публики, берет мещанина за рукав и, словно бы собираясь беседовать с ним о предметах политики, ведет его в проулок и там, находясь только в обществе нескольких свиней и теленка, неожиданно отступает два шага назад и делает то движение наотмашь, которого больше всего опасаются русские обыватели, дорожащие переносицей.

— Чтобы к вечеру... скотина! У меня смотри!

— Беспременно... помилуйте!..

В тот же вечер предусмотрительный исполнитель собрал своих подчиненных и сказал им:

— Если вы будете драться — выгоню вон. Слышали?

— Слушаем, ваше высокоблагородие!

— Чтобы никого!

— Никак нет, ваше высокоблагородие!

— Подождите... Я говорю, чтобы не слышал!..

— Слушаем, ваше высокоблагородие...

— Как же вы будете наблюдать за поряд-

ком?..

— Честью, ваше высокоблагородие... Добрым словом...

— А если доброго слова будет мало?..

— Тогда...

И штат блюстителей порядка умолк, опустив глаза на манер первых любовников Александринского театра во время любовных признаний...

Они друг друга поняли, и совесть каждого подсказала, что́ делать. Доброжелательный администратор не успевал писать циркуляры и делать увещания... Уже со многими было поступлено по всей строгости законов и, казалось, умиротворение губернии достигло своего возможного зенита, как вдруг в один прекрасный день он получает напоминание о скорейшем взыскании недоимок и о принятии законных мер...

Исправник уже тут, тот самый исправник, который сомневался в законе...

— Отчего не взыскано?..

— Народ бедный, ваше превосходительство!..

— Оно, конечно... но всё-таки вы уж как-

нибудь...

— Слушаюсь! — весело подхватывает почтенный старик...

— Только вы смотрите, не нарушайте закона...

— Помилуйте, ваше превосходительство!..

И вслед за тем поскакал в уезд. Чтó было в уезде, какие сцены происходили в деревнях, об этом едва ли нужно говорить читателю, всё это вещи хорошо известные, но, в конце концов, недоимки были собраны, и сияющий старик весело доложил о том его превосходительству.

Узнал ли доброжелательный губернатор стороной о том, чтó произошло в умиротворенном им крае, или по веселому виду исправника догадался, но только, к изумлению подчиненного, он принял это известие сурово и даже не поблагодарил за усердие...

Прошел год, и доброжелательный губернатор подал в отставку... Трудности положения совсем доконали бед-нягу, и, вдобавок ко всему, он так «распустил» губернию, что надо было снова подтягивать. Обыватели молча посматривали, когда городские оделись в но-

вое платье и обнаруживали необыкновенную деятельность в ожидании приезда нового... Казалось бы, их должна была интересовать новость дня, но они выказали непонятное равнодушие, за что, впрочем, и были опозорены местным «Листком», обличавшим их в недостатке «самодеятельности»... А «доброжелательный» губернатор уехал в Петербург и жаловался на то, что «людей нет» и что «мы не созрели»...

№ 3

Моралисты печати (мало ли их?) по обыкновению изобличали попавшихся мелких чиновников и вопияли против развращения нравов. Признавая во всяком Юханцеве какого-то слетевшего с небес червонного валета, а не самый *свежий* продукт условий, благоприятствующих Юханцевым, они, эти моралисты, сперва обломали перья над Юханцевым, когда уж он покончил с миллионом, а потом возвали к реабилитации нравов... Но как поднять курс «нравов»? Тогда было предложено преуморительное средство, как те универ-

сальные «пилюли», которые излечивают всякие болезни...

Людям, живущим в условиях, роковым образом ставящих дилемму: «Или с нами — или против нас», или «принимай жизнь со всеми ее последствиями, или убирайся вон» — таким людям, выросшим в той среде, где ответственность является только перед своей совестью, людям, которым нередко и семья, и школа, и жизнь пели одну и ту же песнь, — моралисты печати рекомендовали «обновиться», «воспрянуть» и «найти бога»... Когда другая часть печати повторяла прописные истины, что нравы постепенно улучшаются лучшими условиями, что совесть делается щекотливее, когда она принуждена не только давать отчеты самой себе, но и контрольной палате, что народу следует прийти на помощь не добрыми советами «трудиться и чтить заповеди», а более реальными актами, — когда, говорю, одна часть смеялась над больной фантазией Достоевского, рекомендовавшего «страдание» как средство найти «Христа», — в ответ на это, разумеется, раздались сугубые крики:

— Воспрянем!.. Вспомним бога!.. Обновимся!..

Давно уж мы, таким образом, призываем и бога, и грозим дьяволом, а всё-таки человек, находящийся у до-ходного места и не пользующийся «случаем» — редкость, которую можно показывать за деньги. И «египетская» наша язва растет, разъедая наш организм. Эта язва скрывается под разными названиями. Начинаясь с кон-цессий, промесс, разных видов хищения, она проходит постепенно по всем классам и сословиям и оканчивается бесцеремонным «урывом» гривенников и пятаков с из-возчиков, с прислуги и т. п.

Петербургские извозчики очень жалуются на «фарао-нов» — так почему-то они, едва ли имеющие знакомство с египетской историей, называют городских. Жалуются они на побо-ры, особо установленные низшими чинами полиции за право стоять у театров, клубов и тому подоб-ных мест. Жалуются они нередко и на штрафы, и на ту своеобразную манеру усовецивания, какую вы можете нередко наблюдать на железных дорогах, у театров, и т. д. Многие, быть может, скажут, что в общей

картине эти детали — мелочь, но «мелочь» эта ложится на спину бедного человека, и мало того, что обижает его, имеет и воспитательное значение, словно бы доказывая и ему, что без гривенника или пятак нехочется пользоваться своими правами.

«Город» оказывает свое влияние на «деревню». И там без «взятки» нехочется обойтись... Везде развились у нас различные «сборы», различные дополнительные платежи, официально не признанные, но освященные обычаем... Всякий, начиная с крупного дельца и кончая мелкой сошкой, не может обойтись без разных непредвиденных расходов. Но одному они вознаграждаются сторицей, а другому дают чистый дефицит... Концессионер, прежде чем приступить к «соисканию», должен открыть счет «предварительных расходов», подрядчик — счет «непредвиденных», торговец — имеет постоянные «текущие расходы», простой обыватель — «случайные», — словом, нет уголка в обширном нашем отечестве, где бы не было каких-нибудь особенных «счетов» между пастырями и пасомыми...

Несколько лет тому назад мне довелось быть в одном бойком приморском городе, и я крайне был изумлен, когда в одной из контор увидал «праздничный» список с очень значительным итогом. Я любопытно узнал, кому вносится столь значительная дань, и в ответ получил длинный перечень лиц. В этом перечне не забыты были, конечно, и полицейские власти, и таможенные чины, и ведомство путей сообщения, и министерство почт и телеграфов, словом, за исключением судебного и контрольного ведомств, представители всех остальных числились в списке. Числились даже и лица частных служб, как то: служащие в местном банке, по железной дороге.

На дальнейшие вопросы мои хитроумный грек с острова Хиоса, имевший самые основательные понятия о «бакчише» и не менее основательные понятия о том, что «не посеяв, не пожнешь», даже несколько удивился, когда я спросил, к чему он платит эту дань. Он объяснил мне, что все «конторы» платят, во избежание всяких неприятностей, и добавил, что «иначе нельзя».

И он начал высчитывать:

— Полиции надо... Прежде мы больше платили, но с тех пор, как стало городское управление, сбавили «со-держание», — заметил он в скобках. — Затем таможене надо; с каждой баржи по рублю платим, расчет в конце года, к праздникам, а то, того и гляди, задержка будет, если не станем платить... «Водяному» тоже нельзя... тоже дело делает...

— Ну, а почтмейстеру зачем?..

— Как же... А письмо не вó-время отправит... Наше дело — коммерческое...

— Но «телеграфу» к чему дань?

— Тоже надо... Не то могут телеграмму задержать...

— Ну, а начальнику станции?..

— А вагоны?.. Иногда до зарезу нужно отправить товар, а вам скажут: вагонов нет...

Оказалось, что всем «нужно» было платить, и всем платят...

«Воспрянем» и обрящем в себе самом «нового чело-века»! Уверим всех этих «получателей», чтобы они не получали... Каждый из них наверное ответит, что это дело его «совети».

— Все под богом ходим! — говорил мне как-то один препочтенный мелкий чиновник, жалуясь на печать. — Там какие-нибудь гроши собираешь, так газета сейчас кричит: «караул», — а где сотни тысяч летят, вы, гос-пода, больше «вообще» говорите... За что же мы-то одни такие окаянные, скажите на милость?.. Ну, положим, взял что добровольно дали... взял, так ведь разве я один?.. Что ж я-то дурак, лямку тyani да еще героя разыгрывай... Ведь все смеяться станут... Тоже — дети!..

— А как начальство узнает?..

— Начальство... Где ему узнать, а если узнает, так ведь... — Он не окончил, подмигнул глазом и весело рассмеялся: — Шутник вы, как я посмотрю... Купец наживаете, людей грабит, а я даже и с него не могу взять?.. Да я и не беру, а получаю «гонорар», так ска-зать, дополнительное содержание...

Какой тут Иоанн Златоуст убедит его? Какой мора-лист заставит его сделаться «дураком» и потерять общее уважение?..

Чествование выдающихся деятелей науки, искусства и литературы у нас большая редкость. Большинство рус-ского общества тяжело на подъем, когда ему напоми-нают о его лучших людях, и нередко обнаруживает при-скорбное равнодушие к заслугам, оказываемым в высших областях человеческой деятельности.

Такой индифферентизм большинства объясняется, ко-нечно, причинами, всем хорошо известными, и было бы более чем наивно удивляться, что мы, русские, мало зна-комы с героями науки и литературы. И, в самом деле, давно ли наука и литература получили право некоторого гражданства в нашей жизни? Еще до сих пор нас точно пугает свобода исследования, широкий полет челове-ческой мысли, и только незначительное меньшинство способно оценить их значение и проникнуться уважением к людям, посвятившим себя неблагодарному, полному случайности и мук, труду. Большинство остается равно-душным, а громадная масса населения лишена возможности пользоваться даже грамотно-

стью, и не скоро еще узнает имена людей, работавших на их духовное освобождение, и которых как бы в насмешку называют «народными» писателями.

Тем знаменательнее является событие прошлой недели, когда в лице Н. И. Пирогова отдана была дань уважения науке, и не только науке, но и общественным заслугам человека, старавшегося приложить убеждения к жизни и на практике провести систему воспитания, основанную на доверии и уважении к молодости.

На этот раз в зале Московского университета и на обеде в Благородном собрании, среди торжественных приветствий от различных ученых обществ, университетов, учреждений, печати и частных лиц, «Правда» явилась хоть на короткое время «торжествующей», и даже «Московские ведомости» не осмелились подтвердить безотрадного вывода старика и не смутили назойливыми вопросами при ее чествовании, в лице маститого старца, стоящего, по выражению его, «на пороге вечности», богатого прошлым, находящегося вне всяких партийных пристрастий,

давно покинувшего общественную деятельность.

Деятельность эта, как известно, была покинута недобровольно. «Меня заставили отказаться от новаторства», — сказал, между прочим, юбиляр, и слова его имеют тем более грустное значение, что «новаторство» Пирогова, даже по словам врагов его взглядов на воспитание, признавалось не бесполезным; если оно не развилось пышным цветом, то не по его вине, — несмотря даже на невольные уступки, которые он должен был делать духу времени.

Почему рок тяготел над людьми убеждения, над педагогом, поставившим на своем знамени девиз: «воспитать человека», и деятельность его должна была прекратиться на полудороге? — вот вопросы, невольно возникшие на чествовании юбиляра. Ответы на эти вопросы, быть может, найдутся в знаменитых «Вопросах жизни», написанных юбиляром в эпоху усиленного умственного брожения лучшей части общества, во времена надежд и упований, накануне освобождения крестьян и других реформ, имевших це-

лью обновить русскую жизнь.

В нашей газете был помещен очерк деятельности Н. И. Пирогова в звании попечителя Киевского учебного округа. Это, однако, не помешает нам напомнить читателям и другие стороны общественной жизни замечательного ученого, публициста и общественного деятеля. В ней характерно отражаются: во-первых, эпоха и, во-вторых, то богатство случайностей и затруднений, какими обставлена была деятельность человека, проповедывавшего о том, что надо «быть, а не казаться», и сло-жившего руки в неравной борьбе, несмотря даже на известное общественное положение, как только слово должно было перейти в дело. Мы воспользуемся для этой цели вышедшей недавно брошюрой г. Бертенсона и затем напомним читателям (к сожалению, забытые многими) статьи Н. И. Пирогова.

Пирогов вступил в московский университет четырнадцатилетним отроком, в 1824–25 учебном году. Сем-надцати лет от роду он окончил курс и, по совету профессора Е. О. Мухина, вступил в существовавший то-

гда профессорский институт. Из Москвы Пирогов был от-правлен в Дерпт и после блистательного экзамена на степень доктора медицины уехал за границу на два года, где неумоимо работал у лучших профессоров тогдашнего времени. На профессорскую кафедру в Москве ему не суждено было попасть. Болезнь задержала его, по возвращении из-за границы, в Риге, и на кафедру хирургии был избран графом С. Г. Строгановым бывший университетский товарищ Пирогова — Иноземцев.

Но молодой русский ученый был приглашен занять кафедру в Дерпте. «К чести факультета и всего университета, следует сказать, — замечает автор брошюры, — что из всех русских университетов, именно этот последний (дерптский) сумел оценить по достоинству и дарования, и способности молодого русского ученого». Факт этот тем более замечателен, что дерптский университет имел всегда право приглашать из-за границы профессоров, пользующихся наибольшей известностью.

Работал Н. И. Пирогов неумоимо, «посвя-

щая еже-дневно восемь часов для занятия в клинике, аудитории и в анатомическом театре» и, кроме того, в течение четырех лет издал несколько замечательных ученых трудов.

Отправленный в Париж дерптским университетом, Н. И. Пирогов привез оттуда необыкновенно лестный отзыв знаменитого хирурга Вельпо́.

Автор брошюры рассказывает, между прочим, следующую эпизод: «Когда Пирогов представился этому светилу парижской медицинской школы, то застал Вельпо́ рассматривающим атлас, приложенный к анатомии фасций и артерий. Когда Вельпо́ узнал, что в Париж Пирогова привело желание учиться у него, то с живостью ответил: „Вы застали меня за вашей анатомией: не вам учиться у меня, а мне у вас"».

В 1840 году Пирогов занял кафедру в medico-хирургической академии и организовал учреждение госпитальных клиник для кончающих курс студентов и молодых врачей. Многочисленны были препятствия для деятельности Пирогова. Чтобы судить о них, достаточно сказать, что главный врач воен-

но-сухопутного госпиталя «на настойчивые требования об улучшении гигиенических условий госпиталя и существовавших порядков относительно ухода, содержания и продовольствия больных, серьезно заподозрил Пирогова в помрачении его умственных способностей, о чем «конфиденциально» и довел до сведения бывшего военного министра».

Учреждение анатомического театра при академии — тоже дело Пирогова; проект его *не без жестокой борьбы* был утвержден, и знаменитый хирург вывез из-за границы молодого прозектора — Грубера, который до сих пор работает на пользу науки, в академии.

Кто не знает деятельности Н. И. Пирогова в Сева-стополе? Но едва ли кто поверит, что, когда Пирогов «сам себя предложил к услугам осады, он только после значительных хлопот добился разрешения отправиться в Крым», и, главным образом, благодаря участию в этом деле покойной великой княгини Елены Павловны.

Порядки, которые нашел Пирогов на театре войны, приводили его в ужас. «Страшное это время! Его нельзя забыть до конца жиз-

ни!» — говорил Пирогов, понимая, что люди гибнут не столько от ран и болезней, сколько от недостатков администрации и от злоупотреблений. «О том, что мы не были приготовлены к войне — это уже теперь не государственная тайна, — писал в предисловии к своей «Общей военно-полевой хирургии» Пирогов. — В декабре 1855 года дошло до того, что наших раненых и больных (число которых сильно увеличилось от эпидемии) нужно было отправлять при 20° Р за 400–500 и даже 700 верст. Я нашел многих из них, при моем осмотре военных лазаретов в зиму 1855 года, с от-мороженными в транспорте ногами...» И далее: «Я ни-когда не забуду первого моего въезда в Севастополь. Это было в позднюю осень, в ноябре 1854 года. Вся дорога от Бахчисарая на протяжении 30 верст была загромождена транспортами раненых, орудий и фуража. Дождь лил как из ведра, больные и между ними ампутированные, лежали по двое и по трое на подводе, стояли и дрожали от сырости; и люди, и животные едва двигались в грязи по колени; падаль валялась на каждом шагу; из глубоких луж торчали раз-

дувшиися жи-воты павших волов и лопались с треском; слышались в то же время и вопли раненых, и карканье хищных птиц, целыми стаями слетевшихся на добычу, и крики измученных погонщиков, и отдаленный гул сева-стополь-ских пушек. Поневоле приходи-лось задуматься о пред-стоявшей судьбе на-ших больных; предчувствие было неутешитель-но. Оно и сбылось».

Расстроенный неурядицей и массою зло-употребле-ний, встреченных им на театре войны, Пирогов после шестимесячного пре-бывания в Севастополе вернулся в Петербург, рассчитывая личным ходатайством из-менить положение врачебного дела в Кры-му, — но это ему не удалось, и он снова был командирован в Крым, от-куда возвратился по окончании войны и снова занялся пре-рванными научными работами.

В эпоху новых «веяний», обнаружившихся после крымской войны, вопрос о воспитании, как и следует, занял одно из главных мест среди других вопросов, вы-двинутых требова-ниями жизни. «Морской сборник», где в те времена печатались статьи, не пропускавши-

еся общей цензурой, первый обратил на этот вопрос серьезное внимание. Появились статьи гг. Бема, Николаи и других и, наконец, статья Пирогова «Вопросы жизни», обратившая на себя общее внимание. Вот как говорил о силе впечатления, произведенного этой статьей, Добролюбов: «Они поразили всех — и светлостью взгляда, и благородным направлением мыслей автора, и пламенной, живой диалектикой, и художественным представлением затронутого вопроса. Все, читавшие статью г. Пирогова, были от нее в восторге, все о ней говорили, рассуждали, делали свои соображения и выводы... Статья Пирогова, — говорит дальше критик, — вовсе не отличается какими-нибудь сладкими разглагольствованиями или пышными возгласами для усыпления наших отцов и воспитателей, все не старается подделаться под существующий порядок вещей, а, напротив, бросает прямо в лицо всему обществу горькую правду; не обинуясь, говорит о том, что у нас есть дурного, смело и горячо, во имя высочайших вечных истин, преследует мелкие интересы века, узкие понятия, своекорыстные стремле-

ния, господствующие в современном обществе».

И по поводу этого общего сочувствия к статье Пирогова известный критик радовался за общество, находя, что оно «имеет столько внутренней силы, что не пугается сознания своих недостатков», и написал превосходнейшую статью, в которой с обычным мастерством развил основные положения Пирогова...

Говоря затем о собрании литературных статей Н. И. Пирогова, изданных в 1858 году редактором «Одесского вестника», гг. А. Богдановским и А. Георгиевским, последним как бы для вечного укора в будущей его деятельности, — тот же критик писал: «Все эти статьи — педагогического содержания, и все они предъ-являют требования столь простые и разумные, и в то же время столь высокие, что перед ними решительно совестно делается похвастаться чем-нибудь совершённым у нас в деле воспитания».

В самом деле, ново тогда было слышать это живое гуманное слово, беспощадно поражающее фальшь и лицемерие жизни. Вот что

двадцать лет тому назад говорил знаменитый педагог, обращаясь к ученикам прежней «образцовой» школы:

«Вас водили в храм божий. Вам объясняли Откровение. Привилегированные инспекторы, суб-инспекторы, экзаминованные гувернеры и гувернантки, а иногда даже и сами родители, смотрели за вашим поведением. Науки излагались вам в таком духе и в таком объеме, которые необходимы для образования просвещенных граждан. Безнравственные книги, остановленные цензурою, никогда не доходили до вас. Отцы, опекуны, высокие покровители и благодетельное правительство открыли для вас ваше поприще.

После такой обработки, кажется, вам ничего более не остается делать, как только то, что пекущимся о вас хотелось, чтобы вы делали.

Это значит, чтобы вы, как струна, издавали известный звук. А звучать для общей гармонии, согласитесь, есть высокое призвание. Чего, казалось бы, еще недоставало для вашего счастья и для блага целого общества? Выходит другое. Выступив на поприще жизни, вы видите совсем не то, чему вас учили, и вам

невольюно приходит на мысль, что вы мистифицированы».

И вот знаменитый ученый, обративший на себя внимание высоконравственными взглядами на задачу воспитания, желавший, главным образом, в ученике воспитать «человека» и ставивший «убеждения» на надлежащую высоту, был приглашен в 1857 году занять место попечителя одесского учебного округа. Программа Пирогова была одобрена и на исполнение ее дано согласие... Недолго он пробыл в Одессе и был переведен в Киев. С деятельностью его в Киеве читатели наши знакомы. Заметим только, что Пирогову приходилось бороться не только с клеветой, приходилось защищаться не только от нападений сверху, но и в самой среде педагогов встречать противодействия.

Отвечая на замечания, сделанные по поводу известных «Правил о поступках и наказаниях», у Пирогова вырвалось следующее печальное признание, свидетельствующее, с какими препятствиями ему приходилось бороться:

«Вправе ли мы требовать от наших педаго-

гов высоко-кого призвания, опыта жизни, самоотвержения, христианской любви и трудного искусства индивидуализировать? Откуда могут вдруг взяться у нас такие личности? Кто вел, кто приготовил их этим путем? Где и у кого могли бы заимствовать образец высоких качеств? У прежних ли их наставников, в жизни ли общества, в окружающей ли их среде, в семье ли своей, в воспитательных ли заведениях?.. Можно ли забыть, что наши надзиратели, инспекторы и директора покуда всё-таки остаются теми же чиновниками-воспитателями, как и прежде, — одни из них завалены письменными делами дирекции, а другие, исполняя неисполнимые обязанности нравственного надзора за 500–600 учениками, поневоле ограничиваются одной официальностью? Не ясно ли для всякого, кто любит смотреть правде в глаза, что мы вводили наши правила, убежденные опытом в вопиющих недостатках общественного воспитания и воспитателей».

Так отвечал чуткий ко всякой правде на упреки, вызванные сердечной болью в лучших деятелях литературы того времени, при

виде стеснений, препятствующих такой благородной личности, как Пирогов, провести свои мысли в дело и заставивших его по необходимости, скрепя сердце, сделать уступки большинству, чтобы спасти любимое дело...

По словам автора брошюры, «в Киеве выпали на долю его новые затруднения и столкновения. Пирогов отстаивал, с свойственной ему энергией, свой коренной принцип, по которому попечитель обязан оказывать на учащихся и учащих одно лишь нравственное давление и быть охранителем закона в университете». Но все доводы были напрасны. Он должен был оставить попечительство — и уехал в свое имение. Вскоре он был выбран в мировые посредники.

Во время управления министерством А. В. Головинным, Пирогов снова был призван к деятельности, командирован за границу для руководства молодых ученых, которых посылало министерство народного просвещения... Общественная деятельность Пирогова окончательно была прервана вступлением в министерство графа Д. А. Толстого. Семнадцатого июня 1866 года он «освобождал Пи-

рогова от возложенных на него поручений». В качестве ученого он работал попрежнему, был приглашаем обществом Красного Креста на театр военных действий, и теперь, чувствуемый торжественно, как знаменитый ученый и независимый человек, может иметь хоть слабое утешение в общественной признательности интеллигенции.

Если он, как общественный деятель, не сделал всего, что мог бы сделать, если в борьбе он должен был уступить, то, во всяком случае, пример его деятельности имеет воспитательное значение и чествование его заслуг представляет добрый признак... Нередко фатальна бы-вает судьба самостоятельной личности, и многие вопросы возникают по этому поводу. Но в знаменитых своих «Вопросах жизни» юбиляр сам дает ответ в следующих прекрасных строках:

«Главные и высшие основы нашего воспитания находятся в совершенном разладе с господствующим на-правлением общества. Из этого выходит, что, оканчивая курс воспитания и вступая в общество, мы находим себя в необходимости или отречься от всего, чему

нас учили, чтоб подделаться к обществу, или следовать своим пра-вилам и убеждениям, становясь, таким образом, против-никами общественного направления. Но жертвовать свя-тыми высшими убеждениями для житей-ских расчетов — слишком безнравственно и отвратительно, а идти против общества — где же взять сил на это?»

Своею деятельностью юбиляр доказал, что у него были силы служить этому обществу наукой, словом и деятельностью... Он сделал всё, что позволили обстоя-тельства, и теперь, на закате дней, веруя в силу добра и правды, он невольно заставляет современного изве-рившегося человека прислушаться к словам знаменитого ученого, сказанным в ответ на приветствия. Эти слова маститого юбиляра, полные любви и высокого разума, отрадно звучат в наши дни после тех завываний, ко-торые издаются гг. Катковыми и компанией.

От праздника в Москве, блеснувшего свет-лым лучом, опустимся в «темное царство» мира подрядчиков, интен-дантов, смотрите-лей складов и т. д., которое явилось недавно перед нами на процессе по делу о бывшем

смотрителе букарешто-котроченского склада, поручике Хвоцинском, коллежском секретаре Цвезинском и име-нующем себя французским подданным Борене. Это один из ряда процессов по злоупотреблениям, обнаруженным в минувшую войну. О них в свое время столько говори-лось, что эти дела даже мало кого интересуют, тем более, что на скамье подсудимых фигурируют по большей части относительно маленькие чиновники и не было еще до сих пор грандиозного процесса, который заставил бы о себе говорить публику. Тем не менее и эти «малень-кие» дела не лишены интереса в смысле «нравов»; слу-шая их, невольно сознаёшься, что мы в деле хище-ния совсем не отстали от тех времен, которые приводили в ужас Н. И. Пирогова и радовали людей, основывавших на чужом страдании свое благополучие. Таких людей, «принорав-ливающихся к господствующему настроению», было, как известно, немало во время крымской войны, так что комиссии, назна-ченные по расследованию зло-употреблений, плодились и плодились, и «прикосно-вен-ных» оказывалось такое множество, что,

в конце концов, признано было за лучшее закрыть все комиссии и предать дело воле божьей. Иначе пришлось бы окончательно запутаться в этом лабиринте злоупотреблений и с трудом различать «прикосновенных» от неприкосновенных.

Экзамен, который нам пришлось выдержать во время минувшей войны по предмету «добросовестности», как известно, выдержан был не блестяще. И сухари, и подметки, и сено «оставляли желать лучшего». Предстоящий еще впереди процесс казны с товариществом, может быть, несколько ярче осветит тьму злоупотреблений минувшей кампании, но и не громкие дела, вроде недавно разбиравшихся, бросают довольно света. «Изнайка» войны, по «документам суда», вырисовывается с достаточной ясностью для того, чтобы по некоторым деталям восстановить общую картину.

Длинный обвинительный акт весь наполнен повествованием о недочетах, обнаруженных в складе, и о том, как прикосновенные лица наживали и тратили деньги, как составлялись контракты, и т. п. Недочеты были

действительно грандиозны: 4165 пудов сухарей, 14 733 пуда галет, 80 505 порций пищевых консервов и 599 900 рационов конских консервов; но и «заработки» были тоже грандиозны. Так, например, обвинительный акт рассказывает, что служивший у смотрителя склада по вольному найму писарь, получавший от своего начальника до 300 рублей кредитными в месяц, в одиннадцать месяцев «заработал» 40 000 рублей. По этому можно судить, что «зарабатывали» другие?..

Но, прежде чем перейти к этому обстоятельству, остановимся на характерном заявлении г. прокурора, каким образом обнаружилось злоупотребления и возникло самое дело? По словам обвинения, «одним из поводов» настоящего дела послужило то обстоятельство, что подсудимый, живя в Букареште, вел роскошную жизнь и жил в то время с актрисой, известной под названием «бриллиантовой дамы», которая удивляла всех жителей роскошью нарядов и, не зная куда девать бриллианты, «носила их даже на башмаках». Вместе с тем, — заявлял г. прокурор — о поручике Хвоцинском появлялись корреспонден-

ции в петербургских газетах, и хотя в них было много преувеличенного, но, как оказалось, не было дыма без огня...

Из речи прокурора читатель, между прочим, узнаёт и другие странные вещи, заставившие удивляться и прокурора. Так, главный продовольственный склад, где в каждый момент находилось казенного имущества на пять миллионов, вверяется «человеку, в прошлом которого нет ничего такого, что бы заслуживало подобного доверия» и даже *безграмотному*. Из послужного списка подсудимого видно, что он «поступил на службу в 1857 году фейерверкером, оттуда перешел в гусарский полк корнетом и, прослужив здесь полтора года, в 1860 году уволился, по болезни, в отставку». Затем накануне войны подсудимый снова поступает на службу, назначается помощником казенного транспорта, потом переходит в одну из канцелярий, где он, однако, оказался неудобным, как человек безграмотный.

«И вот этому-то человеку, который не имеет опытности в интендантском деле, который не выказал способностей и даже оказал-

ся безграмотным, поручается склад, в котором на пять миллионов казенного имущества». Чем это объяснить — г. прокурор решительно затруднялся. Правда, один из свидетелей говорил, «что у них не было людей, что к ним, вместо интендантских чиновников, присылали бродяг; пришлют семь чиновников — и 600 бродяг». Хотя, по словам г. прокурора, свидетель и дал не особенно хорошую рекомендацию, тем не менее г. прокурор полагал, что все-таки «в интендантском ведомстве нашелся бы человек, который мог бы занять, вместо безграмотного поручика, место смотрителя главного склада».

Не давши никакого объяснения такому недостатку людей и такому приливу «бродяг», обвинение перешло к подробностям разных темных проделок, злоупотреблений и стачек с поставщиками. Так, между прочим, прокурор рассказал, что благодаря неловкому контракту, заключенному интендантом с неким подрядчиком, «поставленные консервы, в количестве 88 000 000 рационов, которые казне стоили 4 000 000 рублей, остались в Букареште, не могли быть перевезены и израсходо-

ваны и, впоследствии, проданы за 33 000 руб. кредитными... По-терь, следовательно, было более 3 000 000 рублей!

Я не стану перечислять всех тех плутней, которые раскрывают обвинительный акт и речь г. прокурора. В конце концов, обвинение настаивало на строгом наказании и надеялось, что только суд «в состоянии обуздать всех расточителей казны»...

Мы от души желали бы, вместе с г. прокурором, надеяться. Но, к сожалению, первая часть его речи значительно охлаждает надежды... Ведь не все «расточители» столь безумно бросают на показ плоды «хищения», как делал подсудимый, и, следовательно, не всегда подают «один из поводов» для исполнения благих пожеланий г. прокурора. На месте «расточителя» мог быть более экономный человек, и тогда, пожалуй, не встретилось бы и повода к возникновению настоящего дела? «Хищение» не всегда любит блеск и помпу. Чаще оно кроется где-нибудь в тиши, на лоне природы, в укромном поместье, купленном на имя супруги, и вообще не кричит о себе так громко...

№ 5

Известный пожар на фабрике г. Гивартовского, следствием которого была смерть сорока трех человек и увечье тридцати, недавно был предметом разбирательства в московском окружном суде. Дело это, названное делом о «нарушении 411-й статьи Строительного устава», еще раз — и который уже раз! — напомнило нам о «философском» отношении к жизни человеческой и снова заставило заговорить о безотлагательной необходимости пересмотра закона, определяющего взаимные отношения нанимателей и нанимаемых.

Презрение к чужой жизни, к чужим интересам, давным-давно засвидетельствовано у нас и официальными, и частными исследованиями. Стоит только развернуть какие-нибудь «материалы», в которых описывается помещенье рабочего люда, чтобы убедиться в важности вопроса, и тем не менее этот «вопрос», как и бесчисленное количество других вопросов, ждет еще своей очереди; в ожидании же мы, время от времени, удивляемся,

когда очень уж бьющие факты, вроде пожара на московской фабрике, раскрывают перед нами картину беззащитности во всей своей наготе. Тогда, по обыкновению, мы обрушиваемся на одно лицо, наивно забывая, что факты, являющиеся в судах, — только обостренные явления одного и того же общего порядка. Нам как будто необходимо тяжелое зрелище смерти — и не одной, а многих, как на московском пожаре, — чтобы встрепенуться и ощутить нечто вроде угрызения совести; между тем все наши исследования свидетельствуют, что обстоятельства, обнаружившиеся из дела г. Гивартовского, не суть исключения из общего правила и что являются они на свет божий, при торжественной обстановке суда, только благодаря той или другой несчастной случайности, вызвавшей, как в данном случае, дело о «нарушении 411-й статьи».

Кто обращает внимание на отдел происшествий, тот чуть ли не ежедневно осведомляется о различных случаях увечий, членовредительств, иногда и смерти. Число таких «случаев» представит громадную цифру, хотя,

ко-нечно, цифра эта не объяснит дела вполне, так как почти всегда эти происшествия относятся или к «соб-ственной неосторожности», или к «нетрезвому состоя-нию», или же, наконец, к «воле божией» и никогда — к чужой вине. Можно даже предположить, будто рус-ские — самый неосторожный в мире народ и, притом, обнаруживающий не только равнодушие к потере ног или рук, но и пол-нейшее презрение к жизни.

Такое, во всяком случае, оригинальное объяснение встречается не только в «Поли-цейских ведомостях», но и на судах, и бывали примеры, как представители же-лезнодорож-ных обществ, вспомнив, вероятно, гого-лев-скую унтер-офицершу, пресерьезно дока-зывали, что ра-бочий, потерявший обе ноги, при исполнении своих обязанностей, и искав-ший вспомошествования, предна-меренно со-вершил этот «проступок» в видах получения вознаграждения из «общества». Очевидно, никакого вознаграждения давать не следует!

Случаи судебных исков в подобных делах очень редки. Обыкновенно дело кончается полюбовным согла-шением; чаще всего — ни-

как не кончается. Получивший увечье делается калекой, и одной нищей семьей в Рос-сии делается более.

Философское отношение нанимателя к нанимаемым и не менее философское же отношение блюстителей строительного устава к этому самому уставу обнаружились на процессе с достаточной ясностью, пополняя и объясняя одно другим. И жертвой этой домашней фило-софии явился, по обыкнове-нию, тот самый «меньший брат», о котором в последнее время исписывается столько бума-ги и поднимается столько вопросов, от имени которого говорят нынче московские публици-сты, доказывающие, что «неученье свет, а ученье тьма», вос-хваляющие его, меньшего брата, в одном случае, и пре-зрительно отри-цающие его право на человеческое суще-ствование в другом, когда дело касается вопроса о под-нятии его благосостояния.

Но слова — словами, а факты — фактами. Факты на суде только лишний раз подтверди-ли то, что давным-давно известно. Фабрика помещалась в огромном камен-ном ящике, перегороженном дощатыми стенами и де-

ре-вянными подпорками; приспособлений никаких; вода проведена только в нижний этаж. Во всех четырех эта-жах одна лестница, деревянная лестница, и та, по свиде-тельству обвинения, крайне плоха. На ней недоставало нескольких ступеней... В таком помещении скучена была масса народу и масса горючего материала.

Но где же был закон?.. Разве он отсутство-вал при разрешении постройки такого поме-щения?..

Нет, закон давал право постройки под непременным условием разных технических соображений, но... лучше послушать, что го-ворят техники.

Из их слов, несмотря на понятную сдер-жанность, всё-таки было ясно, что надзора не было никакого, и они сваливали всю вину на владельца фабрики. Владелец, в свою оче-редь, тоже не считал себя виновным. Ника-ких требований со стороны блюстителей строительного устава ему не предъявлялось. Он сделал всё, что мог: поставил у входа руч-ной огнетушитель, провел воду в нижний этаж и исправил пожарную лестницу за три

года до пожара. Он не виноват.

Таким образом, ни надзор, ни владелец не виноваты. Остаются виноватыми те, кто жили в этом помещении, то есть рабочие... Я не стану приводить подробности по-казаний свидетелей; замечу только, что «добровольное согласие о прекращении дела», как выяснилось на суде, покупалось очень дешево, за пятьдесят, сорок рублей, так что прокурор затруднялся, как назвать эти сделки: «возмещением ли убытков или подарками будущим свидетелям»; только во время заседания суда владелец окончательно покончил с гражданскими исками, удовлетворив истцов, согласно требованию их поверенного.

Г. прокурор сказал горячую речь. Представитель гражданских истцов, г. Плевако, тоже произнес талантливое слово. В недлинной речи своей он, между прочим, говорил: «Я глубоко убежден, что суд своим приговором скажет Гивартовскому и ему подобным тузам: обращайтесь по-человечески с людьми, помогающими вам воздвигать золотые хоромы; не забывайте, что они, трудясь день и ночь, получают из заработка лишь

черный хлеб, а лакомые блюда, за их счет, кушаете вы! Проси-мый мной приговор, конечно, повлияет и на массы, кото-рые, раньше обращения к суду, как бы боясь недоста-точного ограждения, сами бы вздумали расправиться с притеснителями».

Спору нет, и речь г. прокурора, так же как и речь г. защитника очень хороши, но всё-таки остается не ре-шенным вопрос: в состоя-нии ли приговор суда сказать что-нибудь осо-бенное и изменить явления, зависящие от очень сложных причин? Такие явления не прекратит никакой суд и не остановит ника-кая речь, как бы она ни была красноречива и с каким бы горячим чувством ни обращались к людской совести. Совесть совестью, но она регулируется и известными условиями. Не случись пожара, не было бы и «дела», а между тем осмотр фабричных помещений свидетельствует, что «Строитель-ный устав» только значится на страницах «Свода за-ко-нов» и часто не применяется. С другой сто-роны, не в одном только «Строительном уста-ве» дело. На санти-ментальные возгласы, об-ращенные к совести человека, *случайно*, бла-

годаря пожару, попавшего на скамью подсудимых, можно было бы ответить очень категорически, ссылаясь на тот же закон, регулирующий отношения между нанимателем и нанимаемым таким образом, что нанимаемый по большей части является потерпевшей стороной. Кроме того, тут есть и другая сторона дела, оставшаяся на процессе в тени. Г. Гивартовский, разумеется, виноват; но отчего же блюстители «Строительного устава» отсутствуют на процессе? В Москве стоит фабрика, построенная против всяких правил строительного искусства и, — никому до этого дела нет? Личный интерес, следовательно, может во всякую минуту нарушить общественный, и блюстители общественного, по обычаю, ссылаются на «запамятование» или на несколько стоп исписанной бумаги?..

Всматриваясь внимательно в эту запутанность отношений личного интереса с общественным, причем последний нередко, в силу особенных причин, покорно склоняет выю перед первым, несмотря на самые горячие слова, призывающие к обновлению, — не только становишься в тупик, но и сомнева-

ешься в убедительности самых страстных lamentаций...

Мне говорят: обращай по-человечески, а я в ответ раскрываю рабочую книжку и читаю в ней правила, дающие мне право регулировать свои отношения на основаниях этой рабочей книжки. Как далеки могут быть эти отношения от человеческих, если я буду только основываться на своем праве? Я не говорю уже о том, что в качестве практического русского философа я могу обходиться, при помощи других таких же философов, со многими уставами с фамильярностью, обычной в нашей жизни!

И если не случится какой-нибудь катастрофы, вроде пожара и гибели десятка людей, какой прокурор обвинит меня?!

Из всего вышеизложенного, по моему мнению, следует, что несмотря на наказание, понесенное г. Гивартовским, — тюремное заключение и покаяние, — читатель несколько не убежден в воздействии «примера» и едва ли предположит, что с этого момента «Строительный устав» вступит в неуклонное исполнение своих обязанностей. Точно так

же едва ли можно возлагать надежды на обращение к гражданским и общественным чувствам, как бы они ни были горячи...

Примечания

Будто, якобы (*латинск.*).

[^^^]

2

Слова, слова, слова! (*франц.*).

[^^^]